УДК 347.73

DOI 10.33184/pravgos-2020.4.23

**К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ
И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ
НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

КРЫЛОВ Олег Михайлович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права
Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия.*

E-mail: ok2004@list.ru

Денежное обращение, опосредующее любую сферу общественной жизни, предопределяет потребность в нем у всего общества, возводящего денежное обращение в ранг публичной потребности, которая может быть удовлетворена посредством его определенной организации с помощью разнообразных способов и приемов, составляющих содержание публичного интереса. **Цель:** анализ категорий «публичный интерес» и «частный интерес», а также баланса публичных и частных интересов в денежном обращении. Особое внимание в статье уделено соблюдению баланса публичных и частных интересов в денежном обращении на примере современного правового регулирования обращения цифровой валюты в Российской Федерации. **Методы:** использованы эмпирические методы сравнения, анализа и синтеза, обобщения, описания; специальные методы: сравнительно-правовой, логический, системный. **Результаты:** исследование позволило на основе сравнительно-правового анализа нормативно-правовых документов сформировать выводы о выражателях публичного интереса в денежном обращении и несоблюдении баланса публичных и частных интересов в денежном обращении на примере современного правового регулирования обращения цифровой валюты в Российской Федерации.

Ключевые слова: публичный интерес; частный интерес; цифровая валюта; денежное обращение; организация денежного обращения; деньги.

Общеизвестно, что категория «интерес» может употребляться как для обозначения общественного бытия людей (объективная категория), так

и явления их сознания (субъективная категория), и отражает способы удовлетворения потребностей, представляющих собой нужды различных субъектов [1; 2; 3]. В случае, когда такими субъектами являются общество, государство в целом, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, возникают публичные интересы. Выявление содержания публичных интересов – предмет современных научных дискуссий [4; 5; 6; 7].

Публичные потребности возникают во всех сферах (материально-производственной, духовной, организационной и социальной) общественной жизни. Денежное обращение в той или иной степени опосредует процессы, происходящие в каждой сфере общественной жизни, что возводит его в ранг публичной потребности. В качестве публичной потребности денежное обращение представляет собой элемент иных публичных потребностей сфер общественной жизни. Публичная потребность в денежном обращении может быть удовлетворена посредством его организации с помощью разнообразных способов и приемов, составляющих содержание публичного интереса.

Формирует и выражает публичные интересы, отражающие суммарные частные интересы, Российская Федерация [8, с. 17], в чьем ведении в соответствии со ст. 71 Конституции РФ¹ находятся вопросы финансового и валютного регулирования, а также денежной эмиссии. Субъекты Российской Федерации и муниципальные образования формируют и выражают публичные интересы в соответствии с вопросами, находящимися в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, а также в исключительном ведении субъектов Российской Федерации и в ведении органов местного самоуправления (например, денежное обращение в сфере публичных финансов – гл. 8, ст. 72, 73 Конституции РФ). Именно по указанной причине, а вовсе не потому, что финансы есть денежные отношения, связанные с выполнением государством своих функций и задач [9, с. 8–10], сформированные государством или иным публично-территориальным образованием публичные интересы реализуются ими же.

Сформированный и выраженный публично-территориальным образованием публичный интерес в удовлетворении публичной потребности в денежном обращении закрепляется в нормативных правовых актах, как правило, путем отражения в абстрактном виде наиболее существенных, повторяющихся признаков моделируемого поведения [10, с. 8–11].

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2020).

Публичный интерес может быть сформулирован через цели, задачи, направления, приоритеты, принципы, функции и иные характеристики, на что уже обращалось внимание в правовой науке [11, с. 14–19]. Например, в указе Президента РФ от 4 августа 1997 г. № 822 «Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен»¹ способами осуществления публичного интереса являются укрепление национальной валюты, стимулирование притока капитала, упрощение учета и расчетов в хозяйстве и т. д.

В российской правовой науке сложилось мнение об относительности понятий публичного и частного интереса ввиду их тесной взаимосвязи и взаимопроникновения и невозможности их противопоставления [12; 13]. Подтверждение этому можно встретить и в нормах права, устанавливающих для определенных сфер общественной жизни общность публичного и частного интереса. Так, объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности объединены в национальные интересы Российской Федерации, к которым относится, в частности, повышение конкурентоспособности национальной экономики. Удовлетворение указанного национального интереса предполагается с помощью различных способов организации денежного обращения (укрепление финансовой системы, устойчивости валютного курса рубля, снижение инфляции, возврат российского капитала и сокращение его вывоза за рубеж, обеспечение сбалансированности бюджетной системы и совершенствование межбюджетных отношений – п. 6, 30, 62 указа Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»²). Как видно, с позиций государства национальная безопасность представляет собой потребность, предопределяющую настолько тесную взаимосвязь публичных и частных интересов, что невозможно не только их противопоставить, но следует сделать вывод о совпадении публичных и частных интересов. К сожалению, такая ситуация возникает лишь применительно к общим потребностям в отдельных сферах общественной жизни.

Имеющиеся различия публичных и частных потребностей в денежном обращении предопределяют разницу между публичными и частными интересами, а также между различными публичными интересами в организации денежного обращения ввиду того, что они, в сущности, со-

¹ Об изменении нарицательной стоимости российских денежных знаков и масштаба цен» (с послед. изм. и доп. от 03.12.2001 № 1387) : указ Президента РФ от 04.08.1997 № 822 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28.10.2020).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

стоят из государственных интересов в части, отражающей интересы общества и интересы гражданского общества [14].

В юридической науке распространено мнение о приоритете публичного интереса над частным, особенно применительно к финансовой деятельности публично-территориальных образований [15; 16] или к сфере денежного обращения [9, с. 8–10], которое автором не разделяется. Наоборот, справедливым видится вывод о том, что публичный и частный интерес состоят в отношении бинарности, устанавливая взаимные пределы реализации в различных отношениях, а итогом балансирования выступает такой результат согласования публичного и частного интересов, при котором ни один из них не отрицается и не в состоянии вытеснить другой [17, с. 62–71].

Современная организация денежного обращения в Российской Федерации далека не только от баланса частных и публичных интересов, но и от баланса публичных интересов публично-территориальных образований и общества, что особенно контрастно проявляется в правовом регулировании обращения цифровой валюты. В Российской Федерации принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «О цифровых финансовых активах»), вступающий в силу с 1 января 2021 г. В соответствии с п. 3 ст. 1 указанного закона цифровая валюта предстает совокупностью электронных данных, содержащихся в информационной системе. Эти данные могут быть предложены или приняты в качестве средства платежа, при этом указанное средство платежа не является денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства или международной денежной или расчетной единицей. Самое главное, что на основании п. 5 ст. 14 этого закона организации и физические лица-резиденты (для организаций необходимо условие о том, что их личным законом является российское право либо обладание гражданской правоспособностью, для физических лиц – фактическое нахождение в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев) не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или иным способом оплачивать цифровой валютой товары, работы, услуги.

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2020).

Как видно из приведенных положений ФЗ «О цифровых финансовых активах», цифровая валюта отличается от всех видов денег, официально установленных в Российской Федерации. В качестве объекта права цифровая валюта не является вещью (и этим отличается от наличных денежных средств), признается имуществом, но не является имущественным или цифровым правом, поскольку в отношении цифровой валюты обязанного лица нет (и этим отличается от безналичных денежных средств и электронных денежных средств). Разумеется, есть и иные отличия от денег. Отличаясь в качестве объекта права от иных видов денег в Российской Федерации, цифровая валюта не становится при этом самостоятельным видом денег по причине ограниченной возможности выполнения такой экономической функции, как быть средством платежа, что проявляется в обозначенном запрете резидентам использовать ее в качестве встречного предоставления.

В Российской Федерации многие объекты права выполняют функции денег с определенными ограничениями, не являясь деньгами и не становясь при этом с позиций права денежными суррогатами [18, с. 2–5] (в экономической науке для идентификации любого объекта в качестве денежного суррогата достаточно установить выполнение им каких-либо экономических функций денег [19; 20]), образуя группу объектов права, выполняющих санкционированные государством отдельные функции денег. В указанную группу входят иностранная валюта, ценные бумаги, драгоценные металлы и др. Действующий правовой режим цифровой валюты определяет ее место в этой же группе объектов права. Являясь денежным суррогатом в экономическом смысле, цифровая валюта с позиций права предстает имуществом, правовой режим которого предполагает ограниченное выполнение ею функций денег, в частности функции средства платежа применительно к субъектам, являющимся резидентами.

Появившись помимо воли государства, цифровая валюта представляет собой данность, которая существует вопреки этой воле. Каждое государство относится к ней по-разному, что проявляется в особенностях квалификации и использования криптовалюты: от валюты или товара до средства платежа или обмена [21, с. 21–25]. Выбор отношения государства может иметь различные мотивы, например, криптовалюта в Германии не выполняет функцию валюты и не является частью денежной системы страны, в том числе по причине отсутствия признака ценовой стабильности, который должно иметь любое средство платежа [22, с. 197–206].

В российской правовой литературе подробно рассматривались риски появления цифровой валюты, которые следует учесть при выборе

правового режима, регулирующего ее обращение: развитие теневого сектора экономики (оплата криптовалютой за совершаемые преступления, сложность конфискации криптовалюты), сложность противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем (отсутствие специального контролирующего органа), разнородность мировой законодательной практики в сфере цифровых активов и легализации криптовалют и т. д. [23, с. 81–91].

Безусловно, указанные риски являются существенными, но не исключительными и не могут служить непреодолимым препятствием для легитимации последних [24, с. 12–15]. Более того, механизм децентрализации выпуска криптовалюты не означает неопровержимую презумпцию ее неизбежной и безусловной криминализации [25, с. 5–17]. Доказательством этого являются правовые режимы криптовалют в странах, приравнивающих их к валютам (например, США).

Представляется, что одной из главных причин, по которой цифровая валюта в Российской Федерации лишена возможности быть деньгами наравне с наличными или безналичными и электронными денежными средствами, является расхождение интересов в организации денежного обращения со стороны государства, с одной стороны, и общества (частных субъектов) – с другой, описанных в до сих пор не потерявших своей актуальности работах экономистов А. Хайека «Частные деньги» [26], М. Фридмана и А. Шварца «Монетарная история Соединенных Штатов. 1867–1960» [27]. В современном обществе вообще невозможно рассматривать отношения в отрыве от экономики и ее законов [28; 29].

Основываясь на эмпирическом законе денежного обращения Грешема, характеризующего закономерности вытеснения из обращения одних денег другими («лучшие» деньги имеют внутреннюю стоимость, обладают большей ликвидностью и наибольшей стабильностью, позволяют получать доход, способны к обретению дополнительных функций [19, с. 63–65]), в указанных работах деньги представлены обычным товаром. Между государственными деньгами (которые устанавливает государство с помощью права) и частными (появляются вопреки воле государства, например цифровая валюта) возникает конкуренция, которая может в соответствии с законом Грешема вытеснить государственные деньги как плохо обеспеченные и управляемые и оставить лишь те, которые наилучшим образом будут выполнять функции денег. Естественно, что государство в этом не заинтересовано. Как следствие, с помощью права оно будет препятствовать созданию равноправных условий обращения объектов права, выполняющих функции денег, с условиями обращения госу-

дарственных денег, ограничивая выполнение такими объектами права отдельных функций денег. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что негосударственный характер цифровой валюты вообще исключает какую-либо возможность в будущем полноценно выполнять ее функцию платежного средства, что вполне отвечает интересам государства в организации денежного обращения, но не отвечает интересам общества и частных субъектов и требует соблюдения баланса их интересов.

В идеале соблюдение баланса публичных и частных интересов в денежном обращении предполагает создание государством условий для нормальной конкуренции объектов права, выполняющих функции денег (особенно для частных денег), что неминуемо повлечет минимизацию правовых ограничений в вопросах выполнения этими объектами права отдельных функций денег. Определенные тенденции в этом направлении можно наблюдать на примере законодательства отдельных государств, допускающего многообразие денег и законных средств платежа на своих территориях [30, с. 166–183].

Подводя итоги, акцентируем внимание на основных выводах.

1. Выразителем публичных интересов для удовлетворения публичной потребности в денежном обращении, отражающих суммарные частные интересы, реализуемые в нормах права, является государство в лице Российской Федерации. Субъекты Российской Федерации и муниципальные образования выражают публичные интересы в соответствии с вопросами, находящимися в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также в исключительном ведении субъектов Российской Федерации и в ведении органов местного самоуправления.

2. Формирующиеся публично-территориальным образованием публичные интересы как способы и приемы удовлетворения публичных потребностей в денежном обращении закрепляются в нормативных правовых актах, что предопределяет их постоянный, длительный характер по отношению ко всему денежному обращению в целом.

3. Применительно к отдельным потребностям в отдельных сферах общественной жизни (в том числе в организации денежного обращения) взаимосвязь и взаимопроникновение публичных и частных интересов делает невозможным их противопоставление во всех остальных случаях, однако в целом имеющиеся различия публичных и частных потребностей в денежном обращении предопределяют разницу между публичными и частными интересами, а также между различными публичными интересами в его организации, что требует соблюдения баланса их интересов.

Библиографический список

1. Тихомиров Ю.А. Публичное право : учебник для юрид. факультетов и вузов. М. : Бек, 1995. 485 с.
2. Курбатов А.Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. 211 с.
3. Бакаева О.Ю., Погодина Н.А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 36–47.
4. Егорова М.А. Особенности содержания понятия «публичный интерес» для целей антимонопольного регулирования // Юрист. 2009. № 6. С. 56–58.
5. Ручкина Г.Ф. Новые специальные налоговые режимы в законодательстве Российской Федерации как реализация публичных интересов государства // Налоги. 2019. № 1. С. 28–33.
6. Кикавец В.В. Обеспечение публичных интересов государства в товарах, работах, услугах в период реализации стратегии развития информационного общества // Финансовое право. 2018. № 4. С. 28–31.
7. Давидян Г.М., Макдональд Т. Высока ли цена публичных интересов? // Закон. 2017. № 11. С. 82–90.
8. Публичные и частные интересы в финансовом праве : моногр. / Е.И. Спектор [и др.]. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2013. 166 с.
9. Саттарова Н.А. Денежное обращение: особенности реализации публичного интереса // Финансовое право. 2016. № 2. С. 8–10.
10. Крохина Ю.А. Принцип сочетания частных и публичных интересов в финансовом праве // Финансовое право. 2012. № 5. С. 8–11.
11. Краснова И.О. Квалификация публичных интересов при разрешении судами споров об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Экологическое право. 2020. № 2. С. 14–19.
12. Михайлов С.В. Категория интереса в гражданском праве / под науч. ред. В.С. Ема. М. : Статут, 2002. 203 с.
13. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М. : Городец, Формула права, 2003. 528 с.
14. Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. 423 с.
15. Химичева Н.И. Научно обоснованные принципы финансового права как вектор его действия, развития и формирования новой методологии преподавания // Финансовое право. 2009. № 2. С. 4–6.

16. Поветкина Н.А. Правовой режим иммунитета бюджета: теоретико-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 101–110.
17. Ядрихинский С.А. Принцип приоритета публичных интересов в финансовой деятельности государства: поиск компромисса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 62–71.
18. Кучеров И.И. Денежные суррогаты и иные квазиденежные платежные средства // Финансовое право. 2012. № 2. С. 2–5.
19. Деньги. Кредит. Банки : учебник / Г.Е. Алпатов, Ю.В. Базулин [и др.] ; под ред. В.В. Иванова, Б.И. Соколова. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 624 с.
20. Генкин А.С. Денежные суррогаты в российской экономике. М. : Альпина, 2000. 463 с.
21. Иноземцев М.И. Современные подходы к цифровизации объектов гражданских прав: обзор зарубежного опыта // Международное публичное и частное право. 2020. № 2. С. 21–25.
22. Камалян В.М. Правовое регулирование криптовалют и блокчейн-технологий в Германии и Италии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 7. С. 197–206.
23. Егорова М.А., Кожевина О.В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 81–91.
24. Кучеров И.И., Печегин Д.А. К вопросу о легитимации криптовалют в зарубежных странах // Финансовое право. 2020. № 4. С. 12–15.
25. Фролов И.В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // Право и экономика. 2019. № 6. С. 5–17.
26. Хайек Ф.А. Частные деньги. Б. м. : Ин-т нац. модели экономики, Б. г. (1996). 229 с.
27. Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов. 1867–1960. Киев : Ваклер, 2007. 880 с.
28. Горбунова О.Н., Назаркин И.Ж. Значение естественно-научных подходов при изучении финансового права // Финансовое право. 2013. № 11. С. 2–5.
29. Запольский С.В. Глобализация экономики: финансово-правовой аспект // Финансовое право. 2011. № 11. С. 2–6.
30. Ситник А.А. Регулирование денежного обращения в Великобритании // Lex Russica. 2017. № 2. С. 166–183.

Дата поступления: 05.11.2020

**TO THE ISSUE OF BALANCING PUBLIC AND PRIVATE
INTERESTS IN MONETARY CIRCULATION
ON THE EXAMPLE OF THE LEGAL REGULATION
OF DIGITAL CURRENCY CIRCULATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

KRYLOV Oleg Mikhailovich

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of State Law
of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia.*

E-mail: ok2004@list.ru

Money circulation, which mediates any sphere of public life, determines the need for it in the whole society, which elevates it to the rank of a public need, which can be met through its specific organization using various methods and techniques that make up the content of public interest. **Purpose:** to analyze the categories «public interest» and «private interest» and balancing of public and private interests in monetary circulation. The author pays special attention to the balance of public and private interests in monetary circulation on the example of modern legal regulation of digital currency circulation in the Russian Federation. **Methods:** empirical methods are used: comparison, analysis and synthesis, generalization, description, as well as special methods: comparative legal, logical, systemic. **Results:** on the ground of a comparative legal analysis of regulatory documents, the study shows indicators of public interest in monetary circulation and non-compliance with the balance of public and private interests in monetary circulation on the example of modern legal regulation of digital currency circulation in the Russian Federation.

Keywords: public interest; private interest; digital currency; money circulation; organization of money circulation; money.

References

1. Tihomirov YU.A. *Publichnoe pravo* [Public law]. Moscow, Bek Publ., 1995. 485 p.
2. Kurbatov A.YA. *Sochetanie chastnyh i publichnyh interesov pri pravovom regulirovanii predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [Combination of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity]. Moscow, Centr YUrInfoR Publ., 2001. 211 p.
3. Bakaeva O.YU., Pogodina N.A. On the relationship between private and public interests. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2011, no. 4, pp. 36–47. (In Russian).

4. Egorova M.A. Features of the content of the concept of «public interest» for the purposes of antimonopoly regulation. *YUrist = Lawyer*, 2009, no. 6, pp. 56–58. (In Russian).
5. Ruchkina G.F. New special tax regimes in the legislation of the Russian Federation as the implementation of the public interests of the state. *Nalogi = Taxes*, 2019, no. 1, pp. 28–33. (In Russian).
6. Kikavets V.V. Ensuring the public interests of state in goods, works, services during the implementation of the information society development strategy. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2018, no. 4, pp. 28–31. (In Russian).
7. Davidyan G.M., MacDonald T. Is the price of public interests high? *Zakon = Law*, 2017, no. 11, pp. 82–90. (In Russian).
8. Spektor E.I. *Publichnye i chastnye interesy v finansovom prave* [Public and private interests in financial law]. Moscow, IZiSP pri Pravitel'stve RF Publ., 2013. 166 p.
9. Sattarova N.A. Currency circulation: features of the implementation of public interest. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2016, no. 2, pp. 8–10. (In Russian).
10. Krokhnina YU.A. The principle of combining private and public interests in financial law. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2012, no. 5, pp. 8–11. (In Russian).
11. Krasnova I.O. Qualification of public interests in the settlement of disputes by courts on the seizure of land plots for state or municipal needs. *Ekologicheskoe pravo = Environmental law*, 2020, no. 2, pp. 14–19. (In Russian).
12. Mihajlov S.V.; Em V.S. (ed.). *Kategoriya interesa v grazhdanskom prave* [Category of interest in civil law]. Moscow, Statut Publ., 2002. 203 p.
13. Lazarev L.V. *Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of Russia]. Moscow, Gorodec, Formula prava Publ., 2003. 528 p.
14. Vasil'eva M.I. *Publichnye interesy v ekologicheskom prave* [Public interests in environmental law]. Moscow, Moskovskij universitet Publ., 2003. 423 p.
15. Khimicheva N.I. Scientifically grounded principles of financial law as a vector of its action, development and formation of a new teaching methodology. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2009, no. 2, pp. 4–6. (In Russian).
16. Povetkina N.A. Legal regime of budget immunity: theoretical and legal analysis. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 5, pp. 101–110. (In Russian).
17. YAdrikhinsky S.A. The principle of the priority of public interests in state financial activities: finding a compromise. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, no. 1, pp. 62–71. (In Russian).

18. Kuchеров I.I. Monetary surrogates and other quasi-monetary means of payment. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2012, no. 2, pp. 2–5. (In Russian).
19. Alpatov G.E., Bazulin YU.V.; Ivanoa V.V., Sokolov B.I. (eds.). *Den'gi. Kredit. Banki* [Money. Credit. Banks]. Moscow, TK Velbi, Prospekt Publ., 2008. 624 p.
20. Genkin A.S. *Denezhnye surrogaty v rossijskoj ekonomike* [Monetary surrogates in the Russian economy]. Moscow, Al'pina Publ., 2000. 463 p.
21. Inozemtsev M.I. Modern approaches to digitalization of objects of civil rights: an overview of foreign experience. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International public and private law*, 2020, no. 2, pp. 21–25. (In Russian).
22. Kamalyan V.M. Legal regulation of cryptocurrencies and block-chain technologies in Germany and Italy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, no. 7, pp. 197–206. (In Russian).
23. Egorova M.A., Kozhevina O.V. Place of cryptocurrency in the system of objects of civil rights. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, no. 1, pp. 81–91. (In Russian).
24. Kuchеров I.I., Pechegin D.A. On the issue of legitimizing cryptocurrencies in foreign countries. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2020, no. 4, pp. 12–15. (In Russian).
25. Frolov I.V. Cryptocurrency as a Digital Financial Asset in the Russian Jurisdiction: On the Problem of the Real or Obligatory Nature. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2019, no. 6, pp. 5–17. (In Russian).
26. Hajek F.A. *CHastnye den'gi* [Private money]. Institut nacional'noj modeli ekonomiki Publ., 1996. 229 p.
27. Fridman M., SHvarc A. *Monetarnaya istoriya Soedinennyh SHtatov. 1867–1960* [Monetary history of the United States. 1867–1960]. Kiev, Vakler Publ., 2007. 880 p.
28. Gorbunova O.N., Nazarkin I.ZH. The value of natural science approaches in the study of financial law. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2013, no. 11, pp. 2–5. (In Russian).
29. Zapolsky S.V. Globalization of the economy: financial and legal aspect. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2011, no. 11, pp. 2–6. (In Russian).
30. Sitnik A.A. Regulation of money circulation in the UK. *Lex Russica*, 2017, no. 2, pp. 166–183. (In Russian).

Received: 05.11.2020